

Рецензии. Дискусии. Мнения

Dąbrowski D. *Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wolynskich*. Poznań; Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 2002. 348 s.

Домбровский Д. *Родословие Романовичей, князей галицко-волыньских*. Познань; Вроцлав: Историческое издательство, 2002. 348 с.

Труд быдговского историка Дариуша Домбровского является серьезным генеалогическим исследованием и выгодно отличается от заполонивших российский книжный рынок поверхностных работ по истории Рюриковичей. Книга содержит 28 очерков о 29 персоналиях мужского и женского пола, сгруппированных в пять разделов — по числу поколений этой ветви Рюриковичей: от Романа Мстиславича до его праправнуков Юрьевичей. Со смертью последних в начале 20-х годов XIV в. династия Романовичей извелась. Еще 7 очерков включены в специальный параграф «Романовичи предполагаемые и мнимые». Для историков-русистов несомненный интерес представляют имеющиеся в конце книги обширная библиография и сводные генеалогические таблицы¹. Каждый очерк (если позволяют источники) содержит следующую информацию: даты рождения, смерти и вступления в брак; происхождение филиации; краткие сведения о родителях, супругах и детях; место захоронения.

Выводы Д. Домбровского характеризуются разной степенью новизны: одни приводимые им факты давно стали достоянием исторической науки, другие — и таких немало — известны лишь узкому кругу генеалогов (увы, отнюдь не российских или украинских), третьи установлены только автором рецензируемой книги. Он обстоятельно ана-

лизирует как данные источников, так и аргументацию своих предшественников. Это позволило ему прийти к заключению, что в литературе по истории Галицко-Волынской Руси встречается множество ошибочных суждений, нередко воспринимающихся как очевидные факты, но слабо подкрепленных источниками; зато многие вполне обоснованные наблюдения остались вне поля зрения современных историков. Читателя, не знакомого с польской и немецкой литературой по генеалогии, должны привлечь следующие выводы.

Д. Домбровский нашел новые доводы в пользу концепции Н. Баумгартена-Х. Грали о византийском происхождении Марии (а не Анны) — второй жены Романа Мстиславича и матери Даниила и Василька, однако, сославшись на недостаток источников, не рискнул связать княгиню с династией Ангелов или знатным родом Каматеросов (s. 34–43). Оба Романовича вступили в брак также дважды. Автор доказал, что правнук Болеслава Кривоустого Василько в 1246 или 1247 г. женился вторым браком на своей троюродной сестре — дочери Конрада I Мазовецкого (и русской княжны) Дубравке, которая с переходом в православие приняла имя Елена (s. 86–98). Их сын Владимир Василькович доводился кузеном будущему польскому королю Владиславу Локетку (отцу Казимира Великого).

¹ В таблицу I (s. 344) вкралась досадная опечатка: пропущено имя Владимира Мономаха.

Второй женой Даниила Романовича в 1246–1248 гг. стала неизвестная по имени дочь Довспрунка — (не родного) брата великого князя литовского Миндовга. Их сыном был наследовавший Владимиру Васильковичу Мстислав (II) Данилович: первый Мстислав (от брака с дочерью Мстислава Удалого) умер ребенком ранее 1240 г. Родившаяся в 70-е годы Анастасия Мстиславна в 1299–1300 гг. вышла за добжиньского князя Семовита I Казимировича (родного брата Локетка). Кузина Анастасии Елена Львовна в 1270-е годы вышла за одного из силезских князей, Казимира II Бытомского. Ее дочь Мария (ум. 1317) стала первой женой будущего венгерского короля Карла Роберта (из Анжуйской династии) — праправнука Белы IV и, следовательно, троюродного племянника своей супруги.

Объединивший Галицко-Волынское княжество Юрий Львович в 1289 или 1290 г. женился вторым браком на дочери Казимира Куявского Евфимии, родной сестре Локетка и двоюродной — Владимира Васильковича. Анастасия Юрьевна зимой 1319–1320 гг. стала супругой Александра Михайловича Тверского. Еще одна Юрьевна, Мария, около 1308 г. вышла за черского князя Тройдена Болеславовича. Согласно Д. Домбровскому Тройден был внуком Семовита Мазовецкого и Перяславы Даниловны, т.е. доводился своей супруге троюродным братом. Сын Тройдена и Марии Болеслав (с переходом в православие — Юрий) наследовал своим бездетным (?) дядьям Андрею и Льву Юрьевичам. Ему суждено было стать последним галицко-волынским князем.

Вскоре после гибели в 1340 г. Болеслава-Юрия Галичина была захвачена войсками кузена Юрье-

вичей Казимира Великого, а на Волыни закрепился Любарт Гедиминович. Исход противоборства польского короля с литовским князем был вполне закономерен: в предшествующие 100 лет во внешней политике волынских князей доминировали мазовецкое и литовское направления, тогда как галицкие князья больше ориентировались на Куявию, Малую Польшу и Венгрию.

Пожалуй, любой студент-второкурсник имеет представление о важной роли генеалогического фактора в политической истории средневековья. К сожалению, этот самый фактор мало учитывается в работах по истории Галицко-Волынской Руси — как в трудах, успевших стать классическими, так и новейших исследованиях². В 90-е годы с легкой руки С.В. Думина отечественные историки вновь заговорили о «другой Руси» — отличной от Новгорода и Руси Северо-Восточной. Речь идет о русских землях, вошедших в состав Великого княжества Литовского. Книга Д. Домбровского заставляет вспомнить о существовании еще одной «другой Руси» — также не порвавшей с древнерусской традицией и вместе с тем уже в XIII в. установившей тесные политические, экономические и культурные связи с Польшей, терпимой к конфессиональным различиям и игравшей не последнюю роль во внутripольских делах.

Следует отметить, что отнюдь не все построения автора выглядят в равной степени убедительно. Супругу убитого в Орде в 1339 г. тверского князя я бы отнес к числу предполагаемых Романовичей. Русские летописи, как известно, сообщают только о женитьбе Александра Михайловича на безымянной княжне и о смерти в 1365 г. его вдовы Настасьи. Аргументация Д. Домбровского сводится к данным антропо-

² См. напр.: Пауто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001.

нимики³ и утверждению, что младшая дочь Юрия Львовича к 1319 г. могла достичь брачного возраста. Зато я не стал бы категорично отвергать возможность женитьбы

Любарта Гедиминовича на дочери одного из Юрьевичей (скорее всего, Андрея).

С. С. Пашин

Макаров Д.И. Антропология и космология Св. Григория Паламы (На примере гомилий). СПб.: Изд-во О.А. Абышко, 2003. 539 с.

Монография Д.И. Макарова лежит в русле ставших исключительно актуальными, если не сказать модными, направлений интеллектуальной и персональной истории. Однако в отличие от большинства работ, выполненных в этом жанре, она не сужает сферу обзора до одного-единственного рефлексизирующего, пусть и весьма неординарного субъекта, не сводит познавательный дискурс до одной точки, а напротив, идя от умственного взора индивида, максимально расширяет панораму видения прошлого. Самим актом выдвижения на первый план своего исследования проблемы византийского общества и человека Д.И. Макаров задает контуры особой сферической оптики, исходной точкой которой является сознание отдельной личности, а вероятностным финалом — космический порядок. Возможно, на своеобразии методологического подхода исследователя повлияла византийская мыслительная техника с ее базовыми категориями архетипа, микрокосма и макрокосма. В любом случае именно эти нюансы методологии Д.И. Макарова определили очевидную новизну, впечатляющую масштабность и результативность исследовательского поиска.

Личность Григория Паламы, главного, но не единственного персонажа рецензируемой работы, сына сенатора, жившего и воспитывавшегося при императорском дворе, отказавшегося от возможной карьеры царедворца, посвятившего себя слу-

жению церкви и сменившего столицу на провинцию, предстает настолько универсальной, настолько охватывающей все стороны мироздания — общество, государство, хозяйство, человек в его психофизической сущности, божественный план, — что она оказывается если не равновеликой, то ничем не уступающей энциклопедически мыслившим отцам церкви. Не случайно Д.И. Макарову потребовалось обращение к почти тысячелетней восточнохристианской интеллектуальной традиции, дабы уяснить *loci communi* и нетривиальность умственной культуры Паламы. Автору едва ли не впервые в византиноведении, причем не только российском, удалось достаточно полно и убедительно реконструировать политическую доктрину Паламы, его социальную теорию, экономическую концепцию, антропологию и теологию византийского интеллектуала эпохи Палеологовского Возрождения.

В социально-политических построениях Паламы в том виде, в каком они презентированы в монографии, особый интерес представляют идеи, предвосхищающие постулаты современной конфликтологии. Будучи противником насилия, сторонником социального мира и единомыслия, Палама понимал неустранимость противоречий в обществе, разделенном на богатых и бедных, состоявшем из различных социальных, политических и религиозных групп, однако признавал возможность минимализации конфликтогенности.

³ Двое из шести сыновей тверского князя (Лев и Андрей), а также некоторые внуки могли быть названы в честь галицко-волинских родственников гипотетической Анастасии Юрьевны.